

НЕ ГОВОРИТЕ МНЕ, ЧТО ВЫДУМКА – Шоа

Моя жизнь кончилась 22 июня 1941года в шесть часов утра.

На рассвете бомбили Каунас. Самолеты с желтыми опознавательными знаками на крыльях пролетали над моей головой и скидывали бомбы где-то вдалеке. При каждом взрыве, казалось, отлетает моя голова. Было страшно и почему-то смешно. Мы с братом Витей веселились от души. Война! Какое счастье! Наконец, что-то интересное выпало и на нашу долю.

Я только-только кончила начальную школу и строила планы, как провести летние каникулы. В шкафу уже висела новенькая гимназическая униформа, которую я надену первого сентября. Особенно меня радовала форменная фуражка из коричневого бархата, прошитая золотистой нитью – я не могла налюбоваться и надевала ее по несколько раз в день. Забегая вперед, скажу: ни униформу, ни фуражку мне так и не удалось больше надеть.

Не знаю точно, из каких соображений, но мои родители отдали меня в литовскую католическую школу. С первого дня занятий я узнала, что чем-то отличаюсь от остальных детей. В школе перед уроками было принято произносить молитву и креститься на распятие. Я тоже попыталась молиться. Но тут учительница подошла ко мне и тихо так шепнула: «Тебе не надо». Почему? Никто не объяснял. Стала догадываться: чужая, не такая как все... Дети стали меня, мягко говоря, недолюбливать, упрекая, что я распяла Христа. Ах, как мне жаль, но я не знала тогда, что Христос тоже был евреем. Родители не занимались моим религиозным воспитанием, и эту нишу вскоре заполнила наша домработница. Она брала меня с собой в костел и много рассказывала о Христе. Мне нравился Христос – добрый и справедливый. И уже в семилетнем возрасте я твердо решила креститься. Тем более, наша Марите говорила: все некрещенные попадут после смерти в ад и там будут гореть в огне. Меня такая перспектива очень страшила.

Во втором классе я угостила свою одноклассницу Бируте конфеткой. На следующий день Бируте объявила всему классу, что у нее очень болел живот от моей конфетки и что я хотела ее отравить... Главный удар я почувствовала тогда, когда дети перестали со мной разговаривать. Это тяжелое наказание длилось почти год. Правда, одна девочка предложила мне сепаратный мир. Она играла со мной при условии, что никто не будет знать об ее измене. Я дала честное слово. Свое слово я сдержала, и до сих пор никто не знает об этом...

Когда началась война, многие пытались бежать. Кто пешком, кто на подводах, кто успел еще на последний поезд, уходящий на восток. Наша

семья осталась. Мать была не совсем здорова, и семейный совет решил: будь, что будет. Родители помнили первую мировую войну, когда немецкая армия вела себя вполне нормально. Они получили медицинское образование в Германии и судили о немцах по Шиллеру, Гете, Юнгу...

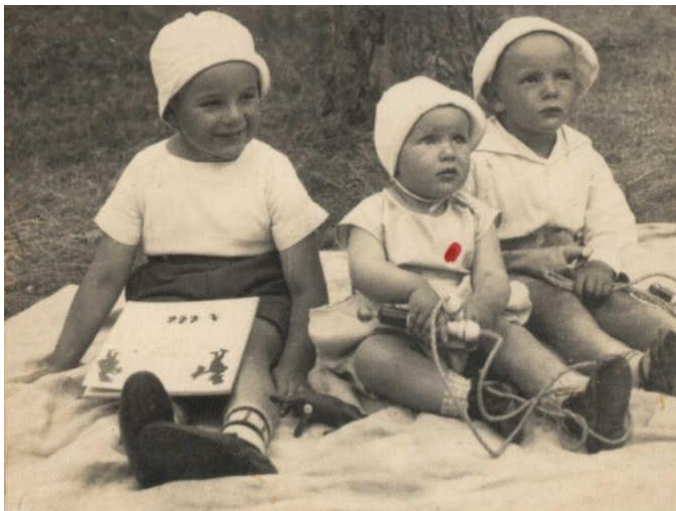
24 июня, немцы заняли Каунас. Стройными рядами ехали мотоциклисты, за ними шла пехота. Местные жители стояли по обе стороны дороги и бросали им цветы. Много цветов. Они были рады, что избавились от ненавистной советской власти, которая в эти дни проводила репрессии и депортацию в Сибирь. Евреи цветов не бросали. Они старались меньше выглядывать на улицу и с волнением ожидали дальнейших событий. События разворачивались стремительно. Приказ следовал за приказом. Евреям велено носить желтый знак – звезду Давида. Спереди, на груди, и на спине, чтобы каждый прохожий уже издали видел – идет еврей. Следующий приказ запрещал нам ходить по тротуарам. Евреям и скоту предназначена мостовая. Скот и еврей? Может быть, это не самое плохое соседство. Дальше – больше. До первого августа приказано всем нам покинуть свои дома и переселиться в пригород Каунаса Вильямполе, где уже строился забор с колючей проволокой. Так я впервые услышала ненавистное слово – гетто.

Сейчас я хочу вкратце познакомить вас с моей семьей.

Отец – врач, психиатр и профессор Вильнюсского университета. В последний предвоенный год он заведовал кафедрой психологии. Читал лекции, лечил больных и писал статьи в научные журналы. От политики был далек. Родился в Москве.

Мать – детский врач, уроженка города Плонска, что в Польше.

Познакомились они во Франкфурте, где изучали медицину.

В семье было трое детей. Старший сын – Рудольф, средний – Виктор и дочь – Тамара.

Рудольф был очень способный парень. В пятнадцать лет он окончил гимназию. Перед началом войны сдал все экзамены на аттестат зрелости. В первый же день войны он хотел бежать на восток, метался, не находя себе места. Отец уговорил его остаться. Когда немцы заняли город, раздался у нас телефонный звонок. Звонил учитель Рудика. Он приглашал брата прийти на встречу, чтобы обсудить процедуру вручения аттестатов зрелости. Брат надел свой новый костюм, ушел и... больше не вернулся. Что с ним произошло, я так никогда и не узнаю. По слухам его расстреляли вблизи 6-того форта. За что? Тогда никто не спрашивал. Рудик хотел быть астрономом. Часто по вечерам смотрел на звезды. И я, смотря на звезды, ищу его и беседую с ним. Где ты, безвременно погасшая звездочка моя? Светлой памяти его я посвятила стихотворение «Крик».

Виктор был фантазер, шалун. Писал стихи. Когда его стихотворение появилось в детском журнале, мы решили – будет поэтом. Не случилось. Будучи в гетто, Витя вел дневники, писал стихи и очерки. Дневники, к сожалению, не сохранились. Очерки и стихи я включила в нашу книгу «Тетрадь из сожженного гетто». К моему большому огорчению, этой книги он не увидел. В гетто брат принимал активное участие в подпольной организации «Бейтар», которая готовилась оказать сопротивление фашистам. У нас на чердаке Витя держал целый склад оружия, о котором, конечно, никто из семьи не знал. С ним у меня была необыкновенная духовная близость. Он был для меня не только любимым братом, но и лучшим другом.

Виктора не стало 1980 году. Похоронен в Хайфе.

Самая младшая в семье была я, Тамара. Ничем в детстве не отличалась. Училась средне, играла в куклы, любила стихи и цветы и сказки...

В гетто я вела дневник, писала стихи и... кормила семью. Родители не были приспособлены к экстремальным условиям жизни... В 13 лет я пошла работать в «бригаду», чтобы иметь возможность принести домой продукты питания, дабы мы не погибли от голода. А голод, как известно, не тетка. Взятые на себя обязанности я выполняла с радостью и гордостью. Покидать рано утром ненавистное гетто уже была большая радость. Приносить пропитание семье, будучи самой маленькой, было моей гордостью.

Несколько лет тому назад я издала книгу «Тетрадь из сожженного гетто»... Есть такая тетрадь. Ей уже очень много лет. Если сказать точно – ей 63 года. Не каждый день можно увидеть такую старую тетрадь. Вот она лежит передо мной в большом белом конверте, сохраняющем ее от влажности. Конверт этот подарил мне музей Катастрофы в Иерусалиме, чтобы тетрадь дольше жила и рассказывала людям о том, что с нами

сделали нацисты. Это школьная тетрадь в синию клеточку, немного толще обычной тетради для арифметических действий. Страницы пожелтели от времени, обложка порвалась. Писала я вначале химическим карандашом, который очень хорошо сохранился. Выдержали испытание временем также синие и черные чернила. Первые 20 страниц тетради заполнены моими стихами того периода. Дальше идет текст, написанный с 1942 по 1946г. Среди текста разбросаны мои рисунки того времени. Эта тетрадь побывала на выставке, посвященной Каунасскому гетто в Вашингтонском музее Катастрофы.